

скому переводу шестнадцати «слов» Григория. В этом объединении вернулся в югославянскую письменность и старый перевод «слов», и добавилось в русском переводе толкование этих «слов». Старший список «слов» с толкованием известен на славянском юге от XV в., но самый переход их сюда произошел, видимо, еще в XIV в. На юге текст был сверен с греческим оригиналом и в этом виде опять передан в русскую письменность (Сперанский, стр. 63).

5

В исследованиях 1940—1950-х годов, в отличие от концепции М. Н. Сперанского, первый период проникновения русских текстов на славянский юг доводится до XIV в. включительно, а в следующем, захватывающем время с XV до XVIII в., конец XVI в. не устанавливается как резкая грань, после которой, по мнению М. Н. Сперанского (стр. 55), «постепенно возрастает воздействие русской литературы на югославянские». Подводя итог своим наблюдениям, Б. Ст. Ангелов (Из историята, стр. 322) приходит к выводу, что уже с XV в. «систематически и последовательно русское культурное влияние проникает и все больше и больше разрастается, в тесной связи с параллельно расширяющимся русским политическим проникновением на Балканы, преимущественно среди болгар, находящее свое отражение во всех проявлениях жизни болгарского народа. Это влияние выразилось главным образом в проникновении русских произведений в нашу литературу и письменность в XV—XVIII веках, а также и в чествовании памяти русских святых, чтимых и болгарской церковью». Однако там же Б. Ст. Ангелов признает, что в XVII—XVIII вв. «русское проникновение в Болгарию усиливается». Появление в Москве книгопечатания несомненно увеличило приток русских книг на славянский юг, в особенности в Болгарию. «Всякий болгарин, посещавший Русь, старался принести оттуда на родину „московскую книгу“ — рукописную или печатную», — замечает Б. Ст. Ангелов (Из старата, стр. 191).

В Болгарии с середины XVI в. наблюдается заметное усиление воздействия славянорусского литературного языка на литературную письменную речь образованных болгар.³² Так, болгарский писатель середины XVI в. Матвей Грамматик, высоко образованный и начитанный, в частности в произведениях русского происхождения, в своем «Житии Николая Нового» (Софийского) признает воздействие на его труд «Истории Иудейской войны» Иосифа Флавия, с которой он был знаком по русскому переводу. Воздействием именно этой книги Б. Ст. Ангелов (Из историята, стр. 298—299) объясняет «в значительной степени» наличие русизмов в языке Жития Николая Нового.

Об интересе некоторых болгарских книжников к изучению славянорусского языка в середине XVII в. свидетельствует запись на списке с печатного издания 1619 г. Грамматики Мелетия Смотрицкого.³³ Из этой записи видно, что копия была сделана в 1655 г. болгаринном иеромонахом Стефаном Ловечским в столице Валахии Торговище, где Стефан обучался славянской грамматике у «священного даскала» Даниила. По предположению Н. М. Дылевского, под именем этого учителя следует подразумевать бывшего охридского архиепископа Даниила, которого после лишения его охридской архиепископии в 1650 г. видел в Торговище Арсений Суханов.

³² О русизмах в болгарских рукописях XII—XIII вв. см. в статье: Б. Ст. Ангелов. Из историята на руското книжно проникване у нас (XI—XIV век), стр. 53—55.

³³ Н. М. Дылевский. Грамматика Мелетия Смотрицкого у болгар в эпоху их возрождения. — ТОДРА, т. XIV. М.—Л., 1958, стр. 461—467.